

Вера ЗУБАРЕВА

ВСТРЕЧИ С БЕЛЛОЙ АХМАДУЛИНОЙ

История одного автографа¹

*К 80-летию со дня рождения
Беллы Ахмадулиной*

«Я вышла в сад...» Встреча в Филадельфии

Кафедральный собор трех религий Брин Атин — любимое место прогулок русских американцев. Предание гласит, что его основатель Джон Питкейрн долго выбирал территорию для его возведения, пока не пришел на эти холмы и не приснился ему ангел, указавший на эту землю. И действительно, когда попадаешь сюда, создается ощущение открывающихся возможностей, чего-то крылатого. Хочется загадывать самые несбыточные желания, что я и делала не раз, гуляя по этим просторам.

Я уверена, что на новом месте дружба начинается не с людей, а именно с пространства. Оно может отталкивать или притягивать, по нему несутся вести, оно проводник снов и мечтаний. Короче, оно живое, чувствующее и мыслящее. И у него есть свои предпочтения, свобода воли и пр., и пр. Я люблю настроиться на пространство, вслушаться в него.

Гуляя по парку Брин Атина, я рисовала себе картины встречи с его основателями, и еще много разных фантазий сменяли друг друга, возникая совершенно непроизвольно, будто сам воздух генерировал их. Но лишь одна мечта постоянно сопутствовала мне во время прогулок, став своеобразным фоном для всех остальных. Она возникла неожиданно и вместе с тем органично, будто сам сад, разбитый в парке, породил ее из своих диковинных цветов. А нужно сказать, что прихожане разбили этот сад по образу эдемского, поставив таблички с информацией о растениях изумительной красоты, чье цветение сменяло друг друга в зависимости от времени года. Так что сад был вечноцветущим и действительно производил впечатление Эдема в миниатюре. Однажды, спускаясь по одной из его дорожек, я продекламировала: «Я вышла в сад. Но глушь и роскошь...» Это стало началом мечты.

Вера Кимовна Зубарева, Ph. D. Автор литературоведческих монографий, книг стихов и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Главный редактор журнала «Гостинная», президент Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных международных литературных премий. Преподает русскую литературу в Пенсильванском университете..

¹ Из книги «Тайнопись» (Языки славянских культур, 2017).

С тех пор всякий раз, когда я оказывалась там, я произносила эти строки как заклинание. Я придумала себе сказку о том, как однажды к нам в Филадельфию приедет Ахмадулина, и я поведу ее в Сад.

Со сказкой всегда уютней жить. Она делает общий климат жизни мягче, добрее, отзывчивее. Сад Брин Атина стал вместилищем моих фантазий. Немудрено, что я спешила улучшить момент, чтобы отправиться туда, где меня ждало все, чего я желала. И вдруг...

В самый разгар цветения сада, в мае, открываю местную русскую газету и читаю объявление о том, что в Филадельфию приезжает с выступлением Белла Ахмадулина. И телефон, по которому можно заказать билеты, указан. Звоню, представляюсь, прошу два билета для себя и мужа, но оказывается, что все уже раскуплено, — газета была апрельской, а я и внимания не обратила!

— Как жаль, — говорю. — Я так хотела повидаться с ней.

— Повидаться? А вы что, знакомы с Ахмадулиной?

— Да, знакома. Она и предисловие к моей первой книжке писала...

— Ой, так что ж вы сразу не сказали! Приезжайте ко мне, прямо сейчас. И книжку, книжку захватите!

Захватываю книжку — «Ауру», благо экземпляров полным-полно, — и мчусь.

Зоя Германовна, восьмидесятилетняя энергичная женщина, открывает двери и приглашает в дом. В нем какой-то особый дух. Позже, разговорившись, узнаю, что дом деревянный и что Зоя Германовна только такой и высматривала для себя, когда приехала сюда много лет назад с покойным мужем. Внутри довольно просторно и необыкновенно уютно. Обстановка то, что мы называем здесь, «русская». Первое, на что обращаешь внимание, — книжный шкаф в большой комнате. В нем хранятся книги с автографами всех, кого Зоя Германовна приглашала с выступлениями. Там и Эльдар Рязанов, и Жванецкий, и...

— Я тоскую по родной культуре, вот и приглашаю сюда тех, кто мне интересен, раз сама поехать не могу, — объясняет она.

Зоя Германовна рассказывает о своей судьбе, о лагерях, о том, как чудом выжила. Говорит, что готовит книгу воспоминаний. Плавно переходим на Ахмадулину. Она высоко отзывается о ней, проявив осведомленность о том, что Ахмадулина делала для политических. Спрашивает, как я с ней познакомилась, и мой рассказ ошеломляет ее. Потом она внимательно читает предисловие Ахмадулиной к «Ауре», кивая головой. О билетах пока ни слова. Впечатление, что я просто пришла в гости.

— Ну хорошо, — наконец говорит она, дочитав. — За книгу спасибо. Давайте так. Когда Белла приедет, вы с мужем придете ко мне на обед. Можете взять пару друзей.

— Спасибо, непременно придем. А из друзей я приглашу художницу Ирину Френкель и профессора Пенсильванского университета Арона Каценелинбойгена.

— Как же! Знаю и его, и об Ире слыхала. Прекрасные у нее работы. Приводите.

Я понимаю, что на этом мы должны распрощаться.

— А что с билетами? — напоминаю о цели визита.

— Пойдете со мной, вот и все.

Все так все. С Зоей Германовной лучше не спорить.

Дальше ничего не помню — ни как наступил этот день, ни как мы пришли к Зое Германовне, ни как встретились с Беллой и Борисом впервые после стольких лет. Все как в тумане. Пытаюсь расспросить потом мужа, но то, что он рассказывает, звучит какой-то чужой историей. Это было не со мной, и запомнить этого я не могу, а уж тем более написать с чьих-то слов. Расспрашиваю и Арона с Ирой, но у каждого из них тоже своя версия встречи. Все, что я помню, — щедро накрытый Зоей Германовной стол, Беллу с Борисом напротив и звук голосов. Говорят, конечно же, о Рос-

сии, но о чем конкретно, я не понимаю. Все как за занавесью. Отчетливо только Белла, исходящая от нее нервозность и какое-то даже отторжение от говорящих. Она раздражается все больше, что-то резко возражает одному из присутствующих, но потом кто-то провозглашает тост, и все как-то само собой устаканивается.

Я же не пью, не ем и вообще отсутствую на застолье. Все воспринимается мной только в ощущениях, импульсами, которые исходят от нее. Один из самых, пожалуй, сильных импульсов — ее необычайное расположение к Зое Германовне. Это как другой полюс — полностью положительный, светлый, благодарный. По отношению к себе ничего не ощущаю, поскольку меня, вроде бы нет.

Застолье заканчивается так же невнятно, как начинается.

Уже у двери:

— Верочка, так вы придете завтра с Вадимом?

Я тут же материализуюсь.

— Да, да, конечно!

Десяти лет будто и не бывало. Все как прежде, как тогда. Те же добрые, улыбочивые глаза и тон почти материнский.

— Вера, Вадим, завтра около пяти зайдите за нами, — командует Зоя Германовна. — Пойдем все вместе.

Когда мы приходим на следующий день, Белла еще наверху с Борисом, готовится. Зоя Германовна пока что знакомит нас со своей молодой помощницей, занимающейся билетами и залом.

— Вы откроете вечер и представите Беллу, — говорит мне Зоя Германовна.

— Я? Беллу Ахатовну? Ни за что!

Такой категоричности от меня никто не ожидал.

— Почему? — недоумевает Зоя Германовна.

— Потому что... Как я могу представлять Ахмадулину? Ее и так все знают. Это как-то даже нелепо.

— Ну как хотите. Тогда Света представит.

На том и порешили.

Через пару минут Белла спускается вниз. На ней черная блуза с воланами, подчеркивающая ее воздушность, и черные, из такой же легкой ткани брюки. Она приветствует нас, и ее приподнятость мгновенно передается всем. Предчувствие праздника разносится по дому. А она уже парит в ритмах своей поэзии, и блуза на ней колышется, как ночной воздух.

Мы выходим из дому и направляемся к синагоге, где будет проходить вечер. Синагога в десяти шагах от дома. До начала почти час, а люди уже паркуются и спешат к кассе. В коридоре выстроилась очередь. Двери в зал закрыты. Когда мы появляемся, все взгляды устремляются на нас. Белла берет меня под руку, а Борис с Вадимом идут позади. Впереди — неутомимая Зоя Германовна со Светой. Нас сразу же пропускают в зал, а за нашей спиной начинается продажа билетов.

Пока Белла рассматривает помещение и сцену, из боковой двери появляется Света, показывает нам наши места, а Беллу вместе с Борисом ведет за сцену. Вскоре зал наполняется голосами, скрипят кресла, раздаются приветствия. Впечатление, что все друг друга знают, и так оно и есть, потому что любой кивок и приветствие комментируются вслух, и ближайшие несколько рядов моментально получают информацию о том, кто кому кивнул. Вся эта сеть знакомств постепенно сходится к центральной фигуре, которую знает абсолютно каждый, и уже можно слышать, как обсуждаются те или иные биографические подробности Ахмадулиной. Кто-то что-то оспаривает, кто-то что-то добавляет, кто-то просто вслушивается и пытается составить свое мнение.

Наконец появляется Света и, кратко представив Ахмадулину, приглашает ее на сцену под аплодисменты зрителей. Летящим шагом, не заставив себя ждать, она появляется и чуть смущенно приветствует собравшихся. Зал громаден и полон. Нет ни одного свободного места. Мы как раз за неделю до ее приезда купили видеокамеру, и Вадим пытается записать весь вечер. Это его первая проба, поэтому не все получается и качество не очень, но все же материала достаточно для того, чтобы потом насладиться еще раз происходившим. Это ее юбилейный год, шестидесятилетие, и Борис рассказывает немного о том, как отмечался в Москве этот день. Потом его сменяет Белла, продолжая рассказ о чествованиях в театре, где работает Борис (цитирую по видеозаписи):

— Ну вот, и когда я появилась перед тем, как читать стихи, я все-таки сказала, чтобы снять угрозу такую, которая нависает над всяким юбиляром. Знаете, чтобы не заморочить официальными подобострастиями и вообще каким-то подобострастием или славословием тягостным и стыдным... Поэтому я сразу сказала, что... ну то есть я уверила благородную публику, что здесь не потому, что я ликую по поводу годков, которые я прожила в предложенных мне обстоятельствах... что тоже заслуга, в общем-то (в зале смехок. — В. З.). Вот... а для того, чтобы соотнестись с людьми, служить, поклониться и так далее. Что я и проделала. Еще только маленькое дополнение к этому. Я уже говорила во время наших выступлений, что все-таки я вот живу там действительно, но вот эти пробелы такие, изъяны, пустоты, которые остались после отъезда тех, кто желал, должен был, вынужден был или просто по известным ему причинам уехал, они как-то были мне заметны. Я уж не говорю о том, что у меня друзья здесь. Вот Аксенов... Ну вот тут есть еще (кивает в нашу сторону. — В. З.), сидят, есть (улыбается. — В. З.)... Ну вот... я понимала, что если отслужила московской... там еще из Питера были люди... Ну вот, если я отслужила тем, кто ко мне благосклонен, то я понимала, что и здесь я кому-то что-то напоминаю и кто-то меня помнит. И немножко страшась столь громоздкой... столь громоздко-стреми-тельной поездки, я все-таки знала, что мой долг — вот так перед вами стоять и потом в конце кланяться, потому что... если вы туда не приехали, то мне следовало приехать, не правда ли? (аплодисменты. — В. З.).

Все это было обрамлено чтением. Она читала в основном знакомые вещи. Среди них и стихи памяти Мандельштама («В том времени, где и злодей...»), и «Побе-режье», и «Метель», и «Клянусь»... Перед чтением последнего она говорит:

— В стихотворении упоминается название города Елабуга, где тридцать первого августа сорок первого года погибла Марина Цветаева. В стихотворении «ела-буга» пишется с маленькой буквы, потому что я никаких счетов с бедным, ни в чем не повинным городом и его жителями не свожу. «Елабуга» здесь скорее нарица-тельное имя некоторого... иносказательного чудовища, чудовища, чьи челюсти или чья хватка вот так (она смыкает пальцы над горлом. — В. З.) смыкаются над безза-щитным горлом.

Она опускает голову и медленно, нараспев начинает:

Тем летним снимком: на крыльце чужом,
как виселица, криво и отдельно
поставленном, не приводящем в дом.
но выводящем из дому...

Вечер завершается чтением «Сада», и в юбилейной атмосфере особо пронзитель-но звучат строки:

Я вышла в пустошь захуданья
и в ней прочла, что жизнь прошла.

Прошла! Куда она спешила?
Лишь губ пригубила немых
сухую муку, сообщила,
что всё — навеки, я — на миг.

На миг, где ни себя, ни сада
я не успела разглядеть.

Зал погрузнел и мысленно обнялся — такое большое, всесвязывающее объятие разнородных людей, — а потом пребывал на волне молчания еще несколько секунд после того, как она поклонилась.

Вечер закончен. Публика окружает ее, покупает прекрасно изданную книгу, получает автограф.

— Ну как, ничего? — спрашивает она, когда ряды почитателей редуют.

Я в изумлении молчу. Разве можно о таком спрашивать?

Выручает Зоя Германовна, скомандовавшая поспешить к ужину.

В доме нас уже ждет накрытый стол, и отчужденная обстановка вчерашнего обеда сменяется более чем теплой атмосферой. Все голодны, возбуждены, полны впечатлений, и горячая, исходящая паром картошка в мундирах с русской селедкой спланивает пришедших.

На следующий день мы отправляемся в Брин Атин. Всю дорогу я боюсь вымолвить слово, чтобы не вспугнуть волшебство приближающегося момента. Наконец-то! Наконец-то я увижу, как материализуется мечта.

Подъезжаем. Она восторгается ландшафтом и архитектурой церкви и близлежащих замков. Вадим рассказывает историю этого места. Мы прогуливаемся перед храмом трех религий, заходим вовнутрь, выходим, немного стоим перед храмом, наслаждаясь зеленым склоном, ведущим вниз. Она вдруг снимает босоножки и вприпрыжку мчит по склону, раскинув руки. Я чинно спускаюсь вслед за ней, и мы идем по тропинке, беседуя о литературе, о том, что я делаю.

— Я стала писать стихи по-английски, — признаюсь, немного смущаясь.

— Прекрасно! Это замечательно. Продолжайте, не бросайте. Вы молодец! — восклицает она, все еще держа босоножки за спиной.

Борис деликатно идет поодаль, не вмешиваясь и не мешая нашей беседе. Так мы приближаемся к тому самому месту, на котором возникла моя мечта. Она вдруг останавливается, поворачивается к Борису и восклицает:

— Боря, посмотри! — и начинает декламировать: — «Я вышла в сад...»

У Вадима округляются глаза. Он даже забывает о видеокамере. Сад ликует. Но кроме нас троих, о случившемся никто не подозревает.

Потом мы перекусываем в одном из уютных итальянских ресторанчиков. Настроение приподнятое, все искрится: глаза, вино, шутки официанта.

— Как артистичны здесь люди! — восхищается она. — Молодые ребята, а так непосредственны и вместе с тем тактичны. Интересно, это так обучают их здесь?

Беседа течет, согревает, веселит. Мы с Борисом — слушатели, а Белла с Вадимом — оживленные рассказчики. Оба остроумны, динамичны и с легкостью развивают беседу.

У Зои Германовны мы подписываем друг другу книги, и Ахмадулина, закончив, читает мне вслух дарственную надпись. Вадим записывает все на видео, но из-за того, что телевизор включен на полную громкость, звук ее голоса перекры-

вается пением Аллы Пугачевой, так что при просмотре невозможно будет ничего разобрать. Зато записывается, как Белла вытанцовывает под «Все могут короли», пока я старательно вывожу надпись в своей книге.

Вот и подошел к концу этот день, третий по счету. Наступает час прощания. Завтра с утра они отбывают в Нью-Йорк, а оттуда — домой.

«И всегда, и везде»: письмо из небесья

Еще в юности я твердо решила: никогда не стану писать о творчестве Ахмадулиной. Нет, не «Описание обеда» (1967), где иронично был выведен наш брат литературовед, повлияло на мое решение, а боязнь того, что неумелое прикосновение к тайнописи повредит тайне. Моей первой попыткой отозваться на ее тайнопись была поэмка «Лунный путь, или Поэма о стихах», которую она одобрила. Дальше этого я идти не собиралась.

Потом наступили мрачные дни, ее не стало, и даже перечитывать ее стихи не было сил. Особенно удручало, что книга с ее автографом куда-то подевалась, и я тщетно пыталась отыскать ее в своей громоздкой библиотеке. Позвонила Борису спустя какое-то время, выразила соболезнование, он пригласил зайти, когда будем в Москве... Все развивалось постепенно, какходишь в стихию воды, аккуратно нащупывая дно перед тем, как стать рыбой. Сначала мы сделали документальный фильм «Единственность», в основу которого легла история знакомства с Ахмадулиной. Меня приглашали с ним в американские университеты и библиотеки, просмотр его состоялся также в Одессе и в Москве. На демонстрацию приходил и Борис Мессерер, который рассказывал о Белле, о прошлом... Фильм ему нравился, и он был благодарен, что я дала в нем «возможность высказаться Белле», имея в виду запись ее вечера в Филадельфии, отрывки из которых были включены в фильм.

А через два года после ее смерти вдруг получаю письмо от Владимира Звиняцкого из Киева. В нем Владимир, в частности, пишет: «А не дадите ли мне статью — любой темы и объема — к юбилею Ахмадулиной? Я, видите ли, издаю журнал для учителей русского языка и лит-ры — их уж мало осталось на Украине, и нужно их любить и лелеять!» Письмо приходит 8 апреля 2012 года, то есть за два дня до 75-летия Беллы. Владимир — человек известный, милый, талантливый литературовед, да и наши инициалы — ВЗ — совпадают... В общем, связь налаживается сразу. Тут же отвечаю на его предложение вопросом: «А статья нужна научная или просто воспоминания? В „Неве“ в марте вышли мои воспоминания. Если не подходит, тогда подумаю о чем-то другом».

Владимир: «У меня принцип — только оригинальные статьи, ничего не перепечатаваю. Журнал для учителей (и преподавателей высшей школы тоже) — не дайджест. Идеально было бы нечто „в оригинальном жанре“ — исследование (в свободной форме) вместе с мемуаром. Был бы счастлив опубликовать Вашу статью — в 3-м номере (журнал выходит 6 раз в год)».

Опять ворошу свои книжные полки, надеясь на то, что а вдруг книга с автографом найдется, с грустью нахожу другую книгу и погружаюсь в чтение не раз читанных стихов. Плыву за музыкой строк и образов, предаюсь воспоминаниям, и вдруг лодка моя упирается в какой-то валун и резко останавливается. Стихи, которые приостановили плавание, — «День: 12 марта 1981 года». Читаю и перечитываю, как впервые. Почему 12 марта? Для чего год? Что означает весь этот сюжет? Стихотворение затягивает, толкает к погружению... И вдруг, как по мановению волшебной палочки, все детали связываются в уме, и открывается удивительный имплицитный сюжет этих стихов.

Началась предстартовая лихорадка.

9 апреля.

Я: «Хорошо.

1. Сколько у меня времени?

2. Не смутит ли моя тематика учителей? Я собираюсь писать о мифе Отца и Сына в стихотворении *День: 12 марта 1981 года*. Подойдет ли это?»

Он: «Спасибо! Идеальный срок — до 20 мая...»

Вопреки моим опасениям, статья сама полилась из-под пера, словно под «небесный диктант», говоря словами из другого стихотворения Ахмадулиной. Строчку под «диктовку» и дивлюсь: какая легкость пера необыкновенная, мне не свойственная! Так, не останавливаясь, и завершила статью за день.

10 апреля.

Я: «Сегодня день рождения Беллы... Статья вдруг написалась. Теперь буду дорабатывать».

Он: «...завтра сдаю на верстку второй номер журнала. Кстати, если бы та статья, что вдруг написалась, попала ко мне до того момента, когда у нас будет завтра 8 утра (в Москве это будет 9, а в Филадельфии, наверное, час ночи?) — она была бы до сумской конференции уже напечатана и из Сум с москвичами передана Вам в Москву уже в готовом журнале (*Я писала Владимиру, что буду в Москве в мае. — В. З.*)! И был бы вовремя, а не задним числом отмечен день рождения Беллы...»

Это удар ниже пояса.

Я: «Постараюсь, раз уж все так потекло...»

Дрожащими руками хватаюсь за статью, перечитываю, переписываю, переделываю. Белла только поглядывает и ухмыляется. Между делом диктует мне название — «*День: 10 апреля*». Я дописываю: «К вопросу поэтики поэзии Б. Ахмадулиной». Прикрепляю статью к письму с кратким комментарием: «Ну вот...»

И почти сразу получаю письмо. Нет, не от Владимира. Адресат незнаком, а я и без того устала, нет сил вникать в новое... Но все же открываю, читаю. Мистика какая-то... Перечитываю: «Уважаемая Вера Кимовна! Наш Княжеский дом Горчаковых учредил в 2012 году Международную литературную премию им. Беллы Ахмадулиной. Председатель жюри Борис Мессерер. Премия состоит из двух номинаций: а) поэзия, б) популяризация творчества Беллы Ахмадулиной... Ввиду Ваших больших заслуг перед русской словесностью и поэзией мы рассматриваем вашу кандидатуру как наиболее вероятную. Хотели бы узнать Вашу точку зрения касательно всего вышеизложенного». Понятно, какие чувства я испытала в тот момент. Сам факт письма был почти мистикой. А тут еще легкокрылая статья...

11 апреля.

Письмо от Владимира: «Вера, спасибо огромное — превосходная статья, она украсит номер! А нет ли у Вас фото, где вы с ней — вдвоем? Если есть в электронном виде — не пришлете ли для публикации? Я пока поставлю фото Беллы из Интернета, чтоб место в номере застолбить, а в верстке — замену. Еще раз — огромное спасибо!»

Следом письмо от Андрея Анатольевича Горчакова:

Уважаемая Вера Кимовна!

Поздравляем Вас с абсолютной победой. Среди всех кандидатов ваше поэтическое творчество было признано истинно лучшим. Все члены ученого совета единогласно выразили полное одобрение и поддержку вашей кандидатуры. Звучали ваши произведения, а также информация о проведенных вами многочисленных мероприятий посвященных памяти Беллы Ахмадулиной.

Во второй номинации — «популяризация творчества Беллы Ахмадулиной», победила известная вам Валентина Алексеевна Ковач.

Приносим свои извинения за возникшие технические проблемы в Союзе журналистов, которые не позволили выйти с вами на связь. В течении ближайших двух недель нами будет определена дата проведения торжественной церемонии вручения Международной литературной премии им. Беллы Ахмадулиной. В следующем письме мы обсудим с вами наиболее удобную для нас с вами дату.

Вновь поздравляю вас и желаю дальнейших творческих успехов на ниве поэзии!

С уважением,
 Андрей Анатольевич Горчаков
 Глава Княжеского Дома Горчаковых,
 учредитель Международной литературной
 премии им. Беллы Ахмадулиной

11.04.2012

Итак, я стала первым лауреатом Международной премии им. Беллы Ахмадулиной... Это надо осмыслить. Позже, в интервью, которое я дала Татьяне Янковской для журнала «Чайка», я скажу следующее:

Премия имени Ахмадулиной — не только большая честь для лауреата, но и ответственность. Поэт, чье имя тем или иным образом поставлено рядом с именем Ахмадулиной, должен осознавать, что перед ним теперь вечно поднимающаяся планка. Это касается не только поэтического совершенствования, но и нравственного. Ахмадулина была человеком бескомпромиссным и исключительно, иногда до резкости, честным. Вместе с тем у нее было золотое сердце. Ее доброта порой не знала границ, и она искренне раскаивалась, если вдруг невольно обижала человека. Кроме того, она была защитницей по натуре. Она писала письма в защиту многих политических деятелей, однако ее защитничество не ограничивалось сугубо политической сферой. Она прекрасно понимала, что и талант как таковой нуждается в защите и поддержке. С таким дальним прицелом она, очевидно, и написала в своем предисловии к моему первому сборнику: «Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря». Согласитесь, что «мысль об обидчике» могла прийти на ум только защитнику по природе. А потом она собственноручно и без всякой моей просьбы (попробуй попроси такое у известного поэта!) отнесла мои стихи в журнал «Смена» вместе со своим предисловием, и это было для меня такой же неожиданностью, как получение премии («о, как узнаваем ее почерк!» — подумалось мне в тот памятный день 11 апреля 2012 года).

Быть лауреатом премии им. Беллы Ахмадулиной и означает для меня не только творческое, но и нравственное совершенствование. Как Ахмадулина написала в стихотворении, посвященном Надежде Мандельштам, «Способ совести избран уже / и теперь от меня не зависит». «Способ совести» лауреата должен быть также адекватен тому, что был избран Ахмадулиной...» (Татьяна Янковская. От Беллы Ахмадулиной. Интервью с Верой Зубаревой // Чайка. 16 августа 2012 г.).

Напрасно я думала, что на этом мои литературоведческие отношения со стихами Ахмадулиной закончились! Что действительно закончилось, так это здоровый, нормальный сон.

Во-первых, я вновь перечитала стихи, о которых писала, и поняла, что все обстоит гораздо сложнее. Во время своего пребывания в Москве в мае того же года я поделилась новыми идеями с Владимиром Губайловским, тонко чувствующим поэзию, в том числе и Ахмадулиной, и написавшим глубокое, восхитившее меня эссе о ее стихах. Он нашел мои идеи интересными и просил прислать статью, когда будет го-

това. Я выразила опасение, что может получиться слишком длинно, но он убедил меня, что главное — написать, а о другом пока не нужно заботиться. С этим я и вернулась в Филадельфию.

Помню, стояла неимоверная жара в то лето, настоящее пекло. Из дому страшно было выйти, в особенности грешникам. Включив кондиционер и открыв компьютер, я присосла к стулу.

Начинала писать об одном стихотворении, а за ним накатывало другое, потом третье... Набралось целое море смыслов, а они все прибывают и прибывают. Остановиться невозможно, хоть и хочется. Впечатление, что меня запрограммировали на вечное писание. В голове — компьютер: считает, увязывает, раскручивает... Ахмадулина рядом прогуливается, усмеяется, зорко следит за всем. Только прилягу, она уж тормозит меня. При свете луны с полузакрытыми глазами набрасываю новые идеи (благо блокнот возле постели), поворачиваюсь на другой бок, но и там она. В одну из таких ночей записываю строки «под диктовку»:

Она будит меня, шепчет.
Я за нею пишу, засыпаю.
А по комнате бродит вечность
Неприкаянная, слепая.
Так и бродят они вместе,
Их приход не дано разгадать мне,
И подносит она месяц
К побелевшей моей тетради.
Разобрать пытается почерк.
Хлещет ветер наотмашь ветками.
Снова шепчет. Чего она хочет?
Я пишу с закрытыми веками.
Сон — как будто в сознание провалы
С пробуждения краткой ремиссией.
Видно, что-то не досказала
Перед тем, как покинуть мир сей.

Всякий раз, как начинаю перечитывать написанное о том или ином стихотворении, открывается что-то еще, и еще... Главное, мне самой трудно понять, как и почему я пошла именно по этому пути в поисках смысла, кто натолкнул на библейскую тропу. Но раздумывать об этом времени нет.

Как-то само собой рассасывается лето, наступает осень. Статья разрастается в объемную рукопись, и ее уже читает Владимир Губайловский (участие двух Владимиров мистически благоприятствует работе). А за окном уже декабрь. Жду снега. По-прежнему пытаюсь отыскать на полке книгу с автографом Ахмадулиной. Эта пропажа удручает еще и потому, что я не могу вспомнить, что именно она там написала. А мне почему-то кажется, что надпись не формальная, там что-то важное для меня. Нахожу видеозапись, где она зачитывает написанное, пытаюсь по губам восстановить хоть что-нибудь. Бесплезно! Музыка из соседней комнаты заглушает ее голос, а качество записи такое плохое, что деталей не разобрать.

В середине декабря получаю письмо от Сергея Сутулова-Катеринича, главного редактора «45-й параллели». Он просит прислать ему что-то оригинальное об Ахмадулиной и присовокупить любимые стихи... Откликаюсь со стоном, пытаюсь объяснить, что все уже написала, а вновь писать не могу, ну просто не могу. Сергею ведь не литературоведческое нужно, а для широкого читателя. Это означает, что

следует писать все по новой... Но Сергей непреклонен, и я вдруг понимаю, что, очевидно, такова ее воля и что я должна написать через не могу. *Ну ладно, мысленно говорю я ей, напишу, но ты хоть как-то дай знать, что тебе мои писания по душе.* И я начинаю сочинять новое эссе «Я в таинствах подозреваю сад...». Оно получается небольшим и в точности, как просил Сергей. Заканчивается оно так:

Поэзия Ахмадулиной всегда обращена своей скрытой стороной к Таинству, как его трактовал блаж. Августин, говоря о евхаристических хлебе и вине: «Они именуются Таинствами, так как в них одно обращено к видению, а другое — к постижению». Этот двусторонний принцип таинства лег в основу образной системы Ахмадулиной, где игра видимого и невидимого строится на ассоциативных рядах, сложных и разветвленных, как сны и фантазии. С их помощью она и создает свою лунноподобную вселенную².

Отправив все Сергею, я почему-то понимаю, что на этом моя миссия закончена. Поздний вечер. На лебянистом небе звезды более переливчатые.

Звонит мама. У нее встревоженный голос.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Я не понимаю, откуда у меня взялась эта книга с дарственной надписью Ахмадулиной! Ты мне принесла ее, что ли?

— Какая книга, мама?

— На русском и английском. В черной обложке. Что она у меня делает?

Не могу поверить своим ушам.

— Мама, если не поздно, мы сейчас заедем к тебе и заберем ее. Я уже несколько лет ищу эту книгу, всех друзей обзвонила.

— Несколько лет? Может, ты имеешь в виду другую книгу? Эта только что появилась.

Мы мчимся к маме, берем книгу, возвращаемся домой, я сажусь к столу и с волнением открываю страницу с надписью (разбивка и пунктуация Ахмадулиной):

Моей дорогой
прекрасной
Вере (Верочке)
Зубаревой
с пожеланием
всех желанных
радостей и успехов,
и — главное! — вдохновения,
поэзии и музыки.
Люблю и благодарю!

18 мая 1997 года в Филадельфии
и всегда и везде

Ваша Белла Ахмадулина

И всегда, и везде... Это все, что требовалось.

«Значит, есть, / хоть что-нибудь? / Да, есть...» — шелестит Сад.

² Вера Зубарева. Белла Ахмадулина: «Я в таинствах подозреваю сад...» // 45 параллель. https://45parallel.net/bella_akhmadulina/ya_v_tainstvakh_podozrevayu_sad